

ПРОБЛЕМЫ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «НОВОГО ЛЕЙБОРИЗМА»

И. В. Касымов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 23 января 2009 г.

Аннотация: роль Великобритании в процессах евроинтеграции уникальна. За прагматизм, стремление к сохранению национальной идентичности, последовательную и аргументированную критику в адрес идей и инициатив форсированного, искусственного развития интеграционных процессов и грядущей «федерализации» Европейского союза Великобритания воспринимается как главный оплот ортодоксального «евроскептицизма». В силу уникального геополитического положения Англия всегда позиционировала себя как часть Европы, но при этом все же рассматривала европейские дела как нечто отдаленное, второстепенное. «Быть частью Европы и оставаться самим собой» — именно так можно сформулировать кредо британской внешней политики на протяжении последних лет.

Ключевые слова: европейская интеграция, Европейский союз, новые лейбористы, «третий путь».

Abstract: the role of the Great Britain in the course of European integration is unique. Because of its pragmatism, national identity aspiration, consistent and reasonable criticism against the ideas of forced, artificial development of integration processes and future «federalization» of EU the Great Britain is perceived as the main stronghold of orthodox euroscepticism. By virtue of its geopolitical position the Great Britain has always positioned itself as a part of Europe, but nevertheless it has tended to pay less attention to European matters. The Great Britain foreign policy creed in recent years can be formulated as «Be part of Europe and stay itself».

Key words: European Integration, European Union, New Labour, «Third Way».

В официальном Справочнике европейской интеграции, опубликованном германским Институтом европейской политики, точкой отсчета в истории Европейского экономического сообщества и Европейского союза названо 9 сентября 1946 г., дата выступления сэра Уинстона Черчилля в Цюрихе, в ходе которого бывший британский премьер-министр говорил о создании Соединенных Штатов Европы¹.

Судьба межкультурного диалога между Великобританией и Европой в минувшем столетии складывалась весьма непросто. Собственно, о начале диалога как такового уже не с Европой в абстрактном понимании, а с Европой как новым типом интеграционного объединения можно говорить только с конца 40-х — начала 50-х гг. XX в. Это был даже не диалог, а осторожные попытки наладить необходимые стратегические контакты с теми партнерами, которые в этот период опре-

¹ См.: Вайденфельд В., Вессельс В. Европа от А до Я. Справочник европейской интеграции. Хронология. Рига, 2002. С. 512.

деляли контуры европейской интеграции, в первую очередь с Францией и Германией². 5 мая 1949 г. в Лондоне по решению Гаагского конгресса был учрежден Европейский совет со штаб-квартирой в Страсбурге. Среди других, наиболее интересных и примечательных «европейских» инициатив этого периода, которые имели непосредственное отношение к Великобритании, отметим передовые идеи министра иностранных дел от Лейбористской партии Эрнеста Бевина о создании новых общеевропейских структур — Западноевропейского союза и Североатлантического альянса³. В середине 1950-х гг. у Великобритании был шанс заручиться поддержкой Франции и начать сближение с Европой. Однако ситуацию осложнил Суэцкий кризис, в результате наступает некая неопределенность в отношениях, которая была вызвана возрастающей ролью Франции и наднациональным характером начавшейся дискуссии о будущем Единой Европы. Великобритания с интересом наблюдает за быстрым и уверенным стартом европейской интеграции. Появление планов Р. Шумана и Р. Плевена, подписание Парижского и Римских договоров, формирование первых европейских стратегических институтов — Европейского объединения (правильнее — сообщества) угля и стали, Европейского экономического сообщества и Евратома — все эти и другие важнейшие вехи интеграции Британия встретила лишь в качестве постороннего наблюдателя⁴. Таким образом, можно констатировать, что на протяжении 1950-х гг. на фоне явной потери энтузиазма Великобритания не смогла встать у истоков европейской интеграции и практически была исключена из единого пространства формирующейся Европы.

31 июля 1961 г. Великобритания в официальном порядке подает заявку на членство в ЕЭС. Это был своего рода реванш за неудачное начало. Но этот шаг не смог переломить ситуацию в лучшую сторону. 14 января 1963 г. переговорный процесс был прекращен по личному настоянию президента Франции Шарля де Голля, который усмотрел в Великобритании прямую угрозу экономическому и политическому влиянию Пятой Республики в Европе и, соответственно, европейских структурах. На пресс-конференции де Голль так объяснил свою позицию: «Англия является островным государством, морской державой, которая связана через торговлю и рынки, поставки продовольствия с очень разными и нередко далекими странами. Ее экономическая деятельность связана главным образом с промышленным производством и коммерцией и лишь в незначительной мере — с сельским хозяйством. Она имеет... четко выраженные и своеобразные обычаи и традиции... Совершенно ясно, что единство всех ее членов... не может быть веч-

² См.: *Bell P. M. H. France and Britain. 1940—1994. The long separation.* London, 1997.

³ См.: Справочник НАТО. Хронология. Брюссель, 2001. С. 522.

⁴ См.: *Urwin D. W. The Community of Europe. A History of European Integration since 1945.* London ; N. Y., 1999.

ным и что в конце концов появится колоссальное Атлантическое сообщество, зависимое от Америки и управляемое ею, которое очень быстро поглотит Европейское сообщество»⁵.

Вторая заявка со стороны Великобритании последовала спустя четыре года — 10 мая 1967 г. Повторный старт переговорам был дан позднее 1—2 декабря 1969 г. 22 января 1972 г. процесс завершился подписанием долгожданного Договора о присоединении, который 13 июля 1972 г. был одобрен палатой общин. Это знаменательное событие приходится на период правления Консервативной партии, когда на посту премьер-министра находился Эдвард Хит. Первый, самый важный и ответственный этап в истории становления новых партнерских взаимоотношений Великобритании и Единой Европы был успешно завершен. Как и ожидалось, он оказался весьма непростым. Фактически, чтобы стать полноправным членом ЕЭС, Великобритании потребовалось одиннадцать лет. Несомненно, завершение первого, подготовительного этапа в истории взаимоотношений между Великобританией и ЕЭС одновременно является отправной точкой дискуссии о том, насколько национальные, практические интересы островного государства соответствуют магистральному направлению развития процессов европейской интеграции.

Образ европейской политики, которую вскоре взяли на вооружение предшественники лейбористов — консерваторы, по сути, снимал вопрос о том, так ли необходимо институциональное участие страны в общеевропейских интеграционных процессах. Отрицательный ответ при консерваторах был очевиден и не вызывал сомнений как среди многочисленных «евроскептиков», так и среди «евроэнтузиастов», оказавшихся в меньшинстве.

Анализируя накопленный европейский опыт Британии до «новых лейбористов», можно предположить, что с 1979 г. и вплоть до поражения на выборах 1997 г. британским консерваторам, в общем и целом, удалось сформировать универсальную антифедералистскую системную стратегию в отношении ЕЭС, а затем и Европейского союза. Маргарет Тэтчер за одиннадцать лет пребывания у власти в теории и на практике воплотила в жизнь принцип «разумного сосуществования», предусматривавший кардинальный пересмотр первоначальной системы британских приоритетов в сотрудничестве с Европой. В этот период был утрачен глубинный смысл интеграции Британии в пространство Единой Европы, а диалог по актуальным проблемам европейского строительства из необходимости превратился в простую формальность. Некоторые важные коррективы на европейском направлении внешней политики Великобритании стали наблюдаться только с момента передачи власти от «железной леди» к более гибкому Дж. Мэйджору. Его личная заслуга заключалась в том, что он как политический лидер иногда допускал возможность и даже признавал необходимость пойти на компромисс в европейских делах. Однако драгоценное время, достаточное,

⁵ Тэтчер М. Искусство управлять государством. М., 2003. С. 396—397.

чтобы заслужить признание, авторитет и право на политическое лидерство в структурах и институтах ЕЭС и ЕС, было безвозвратно утрачено, а правление Тэтчер, в некотором смысле, можно назвать «временем упущенных возможностей».

Проблема отсутствия единства по вопросу перспектив дальнейшей интеграции особенно остро начинает сказываться уже в первые годы работы правительства Мэйджора, политика которого испытывает огромное давление извне и постоянно балансирует на грани между ортодоксальным «евроскептицизмом» и первыми проявлениями «евроэнтузиазма». В конце пребывания тори у власти в британском обществе постепенно укрепляется тенденция связывать будущее своей страны с Европой.

Победа партии «новых лейбористов» на всеобщих парламентских выборах в 1997 г. в Великобритании давала определенные надежды и ожидания относительно редакции «консервативного» подхода к европейской интеграции и прогресса в двусторонних отношениях. Великобритания получила шанс пересмотреть прежнюю «изоляционистскую» стратегию в отношении Европейского союза и предложить более прогрессивный формат сотрудничества, чтобы «вместе вступить в XXI век»⁶.

Новый этап отношений Британии и континентальной Европы связан с трансформацией «старой» Лейбористской партии, что в конечном итоге сыграло колоссальную роль в формировании новой идеологии и новых взглядов на процессы глобализации и евроинтеграции. Еще в 1994 г. Т. Блэр заявил о желании вывести партию, а вместе с ней и Британию на новый европейский уровень. Первым шагом в этом направлении стала партийная реформа, призванная преобразовать партию, создать новый проевропейский имидж⁷. В 1996 г. Т. Блэр опубликовал памфлет «Новая Британия», в котором подробно изложил свои соображения относительно того, как преобразовать страну на европейский манер и уверенно вступить в век глобализации и высоких технологий⁸. В памфлете Блэр выделяет стратегические приоритеты, которые должна отстаивать Великобритания в Европе, это: расширение Европейского союза; скорейшее включение в орбиту его влияния «молодых» демократий стран Центральной и Восточной Европы; реформа Общей аграрной политики; экономический рост, занятость, образование, здравоохранение, борьба с международной преступностью⁹. В отличие от консерваторов, Блэр и «обновленная» Лейбористская партия смогли не только вовремя уловить ветер перемен, но и убедить сограждан в том, что стране необходима энергичная, эффективная внешняя политика,

⁶ The Prime-Minister Throne Speech. London, 1997.

⁷ См.: *Rentoul J. Tony Blair*. London : Warner Books, 1996.

⁸ См.: *Blair T. New Britain. My Vision of a Young Country. Part V, The United Kingdom and the New World (Chapter) 33, Britain in Europe*. Boulder, 1997. P. 280—287.

⁹ См.: *Ibid.*

призванная покончить с практикой «изоляции» Британии от Европы и ее актуальных проблем¹⁰.

После победы на выборах «новые лейбористы» приступают к исполнению предвыборных обещаний. Одним из первых пунктов в программе «модернизации» страны был поставлен вопрос о необходимости «возвращения в Европу» и активном участии в дискуссии о магистральных направлениях развития интеграции в преддверии модификации Договора о Европейском союзе¹¹. В мае 1997 г. была представлена новая внешнеполитическая программа. В ней был сформулирован основной стратегический приоритет — решительный отказ от «евроскептицизма» и возвращение в Европу. Основными приоритетами стали активная европейская политика; мощный трансатлантический альянс; эффективная национальная оборона; свобода торговли (антипротекционизм); укрепление международного сотрудничества в целях противостояния глобальным угрозам современности¹². Блэр и его Кабинет разработали также и стратегию европейской политики, в которой были отражены основные направления сближения Британии и Европейского союза. Предлагалось привлечь внимание к проблемам глобального характера, затрагивающим интересы всех стран. Новые лейбористы собирались придать новое звучание и европейской политике, под своим руководством добиться ее изменения.

В период первого правительства Блэра Великобритания дважды принимала участие в дискуссии, посвященной проблеме модификации основополагающего Договора о Европейском союзе (саммиты в Амстердаме и Ницце). «Новые лейбористы» были заинтересованы в том, чтобы внести в Договор необходимые изменения, которые, в частности, касались вопросов функционирования механизмов принятия решений¹³. По мнению парламентариев и приглашенных экспертов, приоритетными направлениями сотрудничества в сфере европейского строительства являются две группы вопросов: институциональная реформа и процесс принятия решений в Европейском союзе и проблемы функционирования трех «опор» Европейского союза, включая вопросы обороны¹⁴. Помимо участия «новых лейбористов» в работе над обновлением нормативно-правовой базы Европейского союза было также ратифицировано Соглашение о социальной политике Маастрихтского договора¹⁵.

Одной из болезненно воспринимаемых континентальной Европой «проблем» является расширение ЕС. Британия традиционно выступала за поддержку расширения, эту же позицию заняли и «новые лейбо-

¹⁰ См.: *Blair T.* Op. cit.

¹¹ См.: *The Government Action Programme. White Paper. London, 1997.*

¹² См.: *Ibid.*

¹³ См.: *Presidency Conclusions : Amsterdam European Council Meeting. 16—17 June 1997; Nice European Council Meeting. 7—9 December 2000.*

¹⁴ *Third Report. The Amsterdam Treaty. 24 July 1997. HL 17.*

¹⁵ *The Maastricht Treaty. 1992/1993.*

ристы», поддерживавшие идею вступления в Союз большого количества новых стран. Однако, учитывая возможность появления многих новых членов, Союзу пришлось разработать специальную процедуру принятия решений по вопросу о вступлении новых государств. В феврале 2000 г. началась подготовка к новому пересмотру положений ЕС. Адекватным ответом вызовам расширения должна была стать институциональная реформа, различные модели которой были предложены Германией и Великобританией. Летом 2000 г. немецкий министр иностранных дел Йошка Фишер и Жак Ширак выдвинули свой проект более радикальной реформы¹⁶. Блэр сформулировал британскую позицию по этому вопросу только к октябрю 2000 г.

Смысл немецкой концепции состоял в переносе центра тяжести с национального уровня на федеральный, т.е. будущее ЕС представлялось как федерация с необходимыми атрибутами: парламент, правительство, конституция, президент. Совершенно иным был британский подход. Блэр высказал свои предложения, которые заключались в создании нового подразделения в структуре ЕС — второй палаты Европейского парламента, где будут заседать представители национальных законодательных органов; ограничении полномочий Европейской комиссии, так как решения в рамках ЕС должны приниматься национальными правительствами; сфере деятельности Европейского совета должна оставаться без изменений. Вопросы, касающиеся создания интеграционных группировок, европейского Правительства, учреждения поста Президента и единой для стран-членов Союза Конституции были оставлены при этом без внимания. Таким образом, сущность предложений Блэра сводится к попытке не допустить трансформацию ЕС в «сверх-государство», свести к минимуму «наднациональность». Эти приоритеты остаются неизменными многие годы.

Деятельность второго правительства «новых лейбористов» (2001—2005 гг.), как и ранее, заключалась в политике создания иллюзий активности на пути евроинтеграции. Движение при этом происходило совершенно в ином направлении — в сторону укрепления «особых отношений» с США и трансатлантической солидарности. Впрочем, не все инициативы «новых лейбористов» в указанный период являются декорациями соучастия, однако при этом Британия всегда оставалась верна себе. Блэр неоднократно подчеркивал, что его правительство никогда не допустит превращения ЕС в «супергосударство», в котором национальный элемент окажется принесенным в жертву наднациональному. Именно второй легислатурный период дает самую обильную пищу для сомнений относительно реальной заинтересованности Великобритании в развитии дальнейшего диалога по актуальным проблемам европейской интеграции. Причина — кризисная ситуация на Ближнем Востоке и, в меньшей степени, в Афганистане.

¹⁶ URL: http://www.auswaertigesamt.de/infoservice/presse/index_html?bereic.

Новый виток европейской политики Великобритании приходится на лето 2005 г. В это время в Великобритании состоялись очередные всеобщие парламентские выборы и «новые лейбористы» не преминули воспользоваться конъюнктурой, чтобы обратить взоры избирателей в сторону Европы. Одновременно, во втором полугодии 2005 г., Великобритания занимала пост Президента в Европейском союзе и «Группе восьми». Заметно, что приоритетные сферы сотрудничества (в отличие от предыдущих программных заявлений) имели больше глобальное, нежели европейское измерение. Это обстоятельство свидетельствовало о смене приоритетов внешней политики Великобритании и окончательно убеждало в претензиях островного государства на статус глобального игрока в действующей системе международных отношений.

Вполне логично было предположить, что, поскольку «новые лейбористы» всеми силами стремились не допустить «федерализацию» Союза, они должны были негативно отнестись к идее появления Европейской Конституции. Однако же, вопреки ожиданиям, правительство «новых лейбористов» внимательно наблюдало за деятельностью Европейского конвента под руководством Валери Жискар д'Эстена, созданного в соответствии с положениями Лэкенской декларации в конце ноября 2002 г.¹⁷ Предполагалось, что текст будущего документа должен представлять компромисс между федерацией и конфедерацией. Европейский союз, таким образом, по словам В. Жискар д'Эстена, в будущем мог превратиться в «федерацию наций», Соединенные Штаты Европы, о которых еще в 1940-х гг. мечтал сэр Уинстон Черчилль.

В Великобритании, ознакомившись с проектом Конституции, пришли к выводу, что документ вполне «приемлем» и не противоречит букве национальных интересов, особенно в области сохранения суверенитета. Министр иностранных дел Великобритании Джек Стро, выступая в Палате общин, с заметным энтузиазмом рассказал о преимуществах данного документа, среди которых выделял принятие решений простым большинством голосов; увеличение роли национальных правительств благодаря созданию поста постоянного Председателя Совета вместо института президентства; возможность национального парламента внимательно изучить европейские законы на рамочной стадии; расширение возможности кооперации между близкими партнерами, в том числе и на двусторонней основе; «транш» властных полномочий на национальный уровень, в том случае, если нет возможности решить тот или иной вопрос на коммунитарном уровне; возможность выхода из Союза¹⁸. Подводя итоги, Дж. Стро с удовлетворением отметил: «...данный договор позволит нам эффективно работать в Европейском союзе среди 25 и более членов, что закладывает правильную основу для эффективной

¹⁷ 41st Report. The Future of Europe — The Convention's Draft Constitutional Treaty. 29 October 2003. HL 169.

¹⁸ См.: *Straw J.* This is a Treaty for an effective European Union of Nations // Bloomberg Reception. London. 24 June 2004.

Европы Наций и Граждан»¹⁹. Однако судьба проекта Европейской конституции и сменившего его Лиссабонского договора (ее облегченного варианта) пока сложилась не слишком удачно.

Одной из составляющих идейной политики и взглядов «новых лейбористов» на процессы глобализации и евроинтеграции стала глобализация концепции «Третьего пути». Обе ипостаси феномена глобализации — интернационализация и интеграция — по своим последствиям диалектичны. Двойственная природа глобализации привлекла к себе пристальное внимание и разработчиков концепции «Третьего пути», ставшей идейной основой движения «новых лейбористов». Противоречивый характер глобализации, дающий богатую пищу для рассуждений о путях интеграционного решения проблем, сведения воедино конфликтующих точек зрения, стал благодатной почвой для сторонников «Третьего пути». Анализ этой проблемы крайне важен для «новых лейбористов», поскольку их подход к социально-экономическому реформированию Британии во многом зависит от состояния мировой экономики. Традиционная геополитическая ставка на лидирующее положение в Европе при одновременном сохранении «особых отношений» с США заставляет уделять большое внимание сравнительному анализу национальных и региональных моделей развития; прокламируемый ими путь претендует на идейное лидерство не только в масштабах Британии, но и на наднациональном уровне. А для этого необходимо демонстрировать глобальное видение и предлагать свежие инициативы. Идеология «Третьего пути» в основе своей не воинственна и основывается на идее принятия статус-кво и «работы» с ним, а также на выработке стратегии, которая сможет обеспечить процветание социал-демократических ценностей в быстро меняющемся капиталистическом мире. Как сказал Блэр, британское правительство стремится «найти новый путь, третий путь, между неограниченным индивидуализмом и принципом *laissez-faire*, с одной стороны, и устаревшими способами государственного вмешательства, корпоратизма социал-демократии 60-х — с другой»²⁰.

«Третий путь» не задумывался как способ противостояния влиянию США и американского глобального капитализма. Энтони Гидденс, «британский гуру сторонников Третьего пути», редко высказывается о ЕС, который он рассматривает как механизм обращения к глобализации, потенциально способный создать мировой космополитический режим. Интеграция рассматривается как часть глобальной системы экономических, политических, социальных и культурных тенденций, определяющих контекст любой политики в индустриальных обществах²¹. Идеология «Третьего пути» делает упор на завершении формирования в рам-

¹⁹ *Straw J.* Op. cit.

²⁰ *A Modern Britain in a Modern Europe.*, Tony Blair, The Hague, 20 January 1998.

²¹ См.: *Anthony Giddens. The Third Way, the renewal of social democracy.* Polity Press, 1998. P. 179.

ках ЕС единого рынка при обеспечении защиты прав трудящихся, а также в сочетании с решением таких общечеловеческих проблем, как охрана окружающей среды, международный терроризм и незаконные операции с деньгами, ни одна из которых не может быть урегулирована ни на государственном, ни на региональном уровне. Субсидиарность (решение проблем на наиболее подходящем для данного случая уровне) является работающей моделью, или, как объяснил Блэр в своем весьма значимом обращении к французскому Национальному собранию: «Надо интегрироваться там, где это имеет смысл, в противном случае мы поддерживаем разнообразие возможностей, предоставляемых им subsidiarностью»²². Для «Третьего пути» интереснее Союз как коллективный идеал, чем «Европейское» измерение ЕС. С этим связан больший упор на экономическое процветание, защиту индивидуальных свобод и признание демократических прав, чем на вопросы, связанные с европейской «идентичностью». «Третий путь» сотрудничает с ЕС для того, чтобы использовать его философию как основу для программы реформирования существующей европейской социальной и экономической модели. Последнее утверждение очень важно, так как оно ярко отражает вторую мощную, но глубоко консервативную составляющую взглядов «новых лейбористов» на внешнюю политику и на взаимосвязь между традиционной британской международной политикой и будущим. Новые лейбористы открыто определяют себя как партию, которая покончила с прошлыми представлениями и проводит новую, модернизированную политику. Однако прежние образы и приоритеты, как и раньше, исключительно важны для новых лейбористов. Они не отказались от классического британского представления о своей стране как о великой державе, несмотря на потерю ею имперского статуса.

Образ Британии как основного стержня, лидера, определяющего повестку дня, во многом влияет на форму и содержание ее внешней политики, в частности по отношению к ЕС. Как сказал Блэр, «хотя Британия никогда не будет самой могущественной державой в мире, мы можем стать мировой осью... Мы должны понять раз и навсегда, что Британии не надо выбирать между возможностью быть сильной вместе с США или вместе с Европой, мы должны поверить, что нам доступны оба пути. Британия, безусловно, должна пойти по обоим путям, мы будем сильнее вместе с США из-за нашей силы в Европе, мы будем сильнее в Европе из-за нашей силы в союзе с США...»²³. Новые лейбористы ставят перед собой задачу реформирования ЕС, так как они унаследовали восходящее еще к имперской эпохе стремление к лидерству, связанное с образом Британии как великой державы. Так,

²² «The Third Way» — обращение Тони Блэра к французскому Национальному собранию. Париж, 4 марта 1998 г.

²³ Выступление Тони Блэра на ланче Ассошиэйтед Пресс. Лондон, 15 декабря 1998 г. URL: <http://www.fco.gov.uk>.

в международных отношениях новолейбористская идеология смыкается с традиционным, в какой-то мере даже Черчиллевским, представлением о роли Британии в мире и ее отношениях с США²⁴.

Смена главы британского правительства открывает новую страницу в политической идеологии глобализации. Джеймс Гордон Браун, пришедший на смену Блэру, провозгласил новый «Глобальный курс». К взглядам Брауна на современные международные, и в частности международные экономические, отношения стоит присмотреться. В январе 2007 г., выступая в Бангалоре перед индийскими и британскими промышленниками, Гордон Браун призвал к построению «нового мирового порядка» и реформированию наиболее влиятельных международных организаций. В частности, ООН, по его мнению, должна быть реформирована таким образом, чтобы она больше отражала растущую роль Азии. Эти заявления находят живой отклик «к востоку от Суэца».

Гордон Браун, как и его политические друзья в США, говорит о «новом мировом порядке», но при этом уточняет: такой порядок должен строиться на единстве национальной безопасности, социальной справедливости и «глобальной реконструкции». Называя это «новым глобальным курсом» (явно в подражание «новому курсу» Ф. Д. Рузвельта), Браун выделяет четыре его основных принципа: улучшение условий существования беднейших стран в мировой экономике, что предполагает институционализацию четко зафиксированных «правил игры», которым должны неукоснительно следовать «и богатые, и бедные»; принятие мировой экономической элитой «высоких принципов корпоративного поведения», предполагающее участие лидеров мировой экономики в развитии «переходных обществ»; «честные правила» торгово-экономических отношений, облегчающие интеграцию переходных обществ в мировую экономику; существенный перевод дополнительных ресурсов в развивающиеся страны «в форме инвестиций для развития».

В глобальной экономике, замечает Браун, «национальное государство, полагающееся на мировые инвестиционные потоки и уязвимое по отношению к их воздействию, теперь сознает, что возмездие за ухудшение ситуации наступает быстро и в тяжелых формах». Неолиберальный консенсус доказал, по мнению Брауна, свою несостоятельность в конце 1990-х гг. и, можно продолжить его мысль, подтвердился мировым финансовым кризисом 2008 г. «Новая парадигма» должна сочетать управляемость процессов глобализации, с одной стороны, и подведение морального фундамента под отношения между государствами — с другой. В основу новой модели мировой экономики должен быть положен политический императив: минимизация рисков социального распада переходных обществ, максимизация экономических возможностей ущемленных слоев населения, соединение экономического роста и социаль-

²⁴ См.: *Anne Deighton. Labour, New Labour, and European Integration / Adolf M. Birke [et al.] // An Anglo-German Dialogue. KG Saur. Munich, 2000. P. 273—284.*

ной справедливости. Исходя из этого, Гордон Браун рассматривает помощь развивающимся странам как «инвестиции в будущее» и механизм «интеграции бедных наций в глобальную экономику». Особую роль в реализации нового глобального курса Браун возлагает на международные институты, которые, как он подчеркивает, призваны способствовать повышению чувства ответственности всех участников мировой экономики — «наднациональных образований», национальных государств, компаний и предприятий, гражданского общества, групп, индивидов. Ответ на вызов времени, считает новый британский премьер, заключается не в отступлении от глобализации, а в «развитии социальной справедливости на глобальном уровне» при непременном укреплении международных институтов.

Представления Гордона Брауна о перспективах мировой экономики фиксируют некий сдвиг в идеологии глобального истеблишмента, из недр которого этот человек выдвинут сегодня к руководству британской политикой. Чем данный сдвиг обернется на практике, еще предстоит оценить. Однако следует отметить, что саммит G20, где предложения Брауна нашли живой отклик, высоко оценивается его участниками. С одной стороны, к взглядам Брауна можно отнести как к политическому маневру, рассчитанному на корректировку образа Британии в глазах Азии, Африки, Латинской Америки, ставшую необходимой в связи с провалом политики равнения Лондона на вашингтонских неоконсерваторов. С другой — можно предположить, что в глобальной элите намечилась перегруппировка сил, объективно обусловленная дезинтеграцией проекта «однополярного мира» и распадом «вашингтонского консенсуса».

Подведя итоги изложенному, можно сделать определенные выводы относительно взглядов правительства «новых лейбористов» на процессы глобализации и евроинтеграции.

Новые лейбористы пришли к власти, когда в стране по-прежнему сохранялись признаки имперского мышления и самоидентификации как «островного» государства. На заре интеграции Великобритания упустила возможность и исторический шанс стать у руля евроинтеграции. По данным социологических опросов (проводившихся как внутри страны, так и за ее пределами), Великобритания стабильно занимает одно из первых мест среди членов ЕС по числу «евроскептиков». И это не удивительно, поскольку феномен «островного национализма» давно не нуждается в доказательствах. Страна со времен Б. Дизраэли остается верна одному и тому же постулату национальной внешней политики, который гласит: у нас нет постоянных партнеров, но у нас есть постоянные интересы.

Несмотря на понимание необходимости участия в европейских делах, указанные выше обстоятельства во многом определяют политику «новых лейбористов». Интерес и участие в европейских делах наиболее проявлялись в период первого легислатурного периода партии, когда

на некоторое время они действительно занимали первое место. В дальнейшем ситуация меняется, и к исходу второго срока становится очевидно, что европейские дела ушли в тень, уступив место развитию «особых отношений». Если первое правительство «новых лейбористов» хотя бы пыталось делать вид, что Британия действительно намерена стать ближе к Единой Европе, то второе — постепенно переносит акцент с европейской политики на другое направление — развитие «особых отношений», поддержка интересов США. Если же говорить о деятельности третьего правительства «новых лейбористов», то очевидно, что внешняя политика в Европе утрачивает четкие контуры. Приоритеты Великобритании в Европе уступают место глобальным темам и приоритетам, чему пример мировой финансовый кризис и политика Гордона Брауна.

При любых обстоятельствах Великобритания подчеркивает свой особый статус в Единой Европе, акцентирует внимание на собственном подходе к той или иной проблеме, может не соглашаться с вариантом решения, который устраивает большинство.

И все же современная Великобритания в силу наличия ряда финансово-экономических, геополитических и культурных факторов является одним из наиболее заметных, влиятельных и перспективных игроков в Европейском союзе. При этом по-прежнему главные позиции занимают ее национальные интересы, нежели общеевропейские. Очевидно, Великобритания на данном этапе неверно выбрала тактику развития отношений. Предпочтение было отдано не практическому взаимодействию в интересах Британии и всей Европы, а банальному «перетягиванию каната». Тем не менее специфика и ценность европейского измерения при «новых лейбористах» заключаются в том, что оно нацелено на возвращение к истокам интеграции — в сторону интересов граждан Европы, в противовес доминирующим франко-германским идеям превращения Европейского союза в «сверхгосударство».

Воронежский государственный университет

Касымов И. В., аспирант факультета международных отношений

Voronezh State University

Kasymov I. V., Post-graduate Student of Faculty of International Relations